

Пролог

Ария

Я не могу сделать этого, Ария. Я хочу свалить отсюда. Из этого мира. Мне не нужен договорной брак. Я просто хочу уехать настолько далеко, насколько возможно.

Эти слова, произнесенные моей сестрой Джинной, стали началом конца. Так я впервые предала Луку. Хотя тогда я не расценивала это как предательство. Я просто хотела спасти близкого мне человека.

Что ж, когда я принимала решение помочь ей бежать, я знала, что иду против мужа.

Предательство.

Мафиози скоры на расправу и называют предательством любое действие, неудобное им! Жены обязаны следовать желаниям своего мужа как букве закона. Особенно это касается меня, потому что я — жена Дона.

Но порой мне сложно подчиняться, особенно когда дело касается защиты моих сестер и брата — тех, кого я люблю.

Я думала, Лука поймет, думала, наша любовь выдержит что угодно.

Лука не был человеком, который способен доверять или любить, но я надеялась, что смогла его изменить. Однако он всегда крайне осторожно выражал свои эмоции.

Может, он все время подсознательно ждал чего-то, что подтвердит его опасения.

И я совершила крупную ошибку.

Лука

Папаша-садист преподавал нам с Маттео кучу уроков, которые должны были сделать нас сильными и беспощадными. Все ради стоявших перед нами целей. Я ненавидел этого человека, ненавидел всю свою жизнь! Но еще больше я ненавидел то, что он оказался прав, хотя я до последнего не хотел ему верить.

Любовь — слабость, Лука. Она ставит сильнейших мужчин на колени. Женщины — это слабость, своими манипуляциями они убеждают нас, что мы можем любить их, потому что это единственный способ для них иметь власть над нами. Не позволяй женщине взять власть в свои руки. Ты станешь Доном. Дон не может позволить себе слабостей.

Арии удалось убедить меня, что его слова были ложью.

Своей доброй улыбкой, невинными глазами и невероятной красотой она заманила меня, и я попался в ее ловушку. Я все еще помню тот гребаный день.

— *Ты хорошая, Ария. Ты невинна. Я втянул тебя во все это.*

Ария рискнула собой, чтобы спасти меня, мою жизнь, которая стоила куда меньше, чем ее.

Она смотрела на меня голубыми глазами. В них всегда было так много эмоций, которые я едва мог понять.

— *Это не так, Лука. Я принадлежу этому месту. Я выбрала остаться здесь. Родиться в нашем мире означает*

появиться на свет с кровью на руках. Грех окружает нас, с каждым новым вдохом сильнее оседает в легких.

Я покачал головой.

— Это не твой выбор. У тебя не оставалось ни единого шанса покинуть наш мир. Возможности избежать этого брака у тебя тоже не было. Если бы ты позволила убить меня, ты бы как минимум избавилась от необходимости выходить за меня.

— В нашем мире не так много хорошего, Лука, и если удастся найти счастье, нужно вцепиться в него так сильно, как только можешь. Ты — лучшее, что случилось со мной.

Как она могла сказать нечто подобное? Я убил так много людей, наслаждался видом их крови. Если бы существовали рай и ад, то сомнений касательно того, где я окажусь в итоге, ни у кого не возникло бы.

— Я далеко не ангел.

— Ты не ангел. Но ты лучший для меня. Я чувствую себя в безопасности в твоих объятиях, не знаю почему. Я даже не могу сказать, почему люблю тебя, но это факт, и он неизменен.

Ее взгляд светился такой любовью, что я закрыл глаза. Ария любила меня. Я не знал, как она могла оставаться рядом после всего того, что я совершил на ее глазах. А ведь это было еще не самым худшим из того, что я делал. Я многое скрываю от нее.

— Любовь в нашем мире — это риск, слабость, которую Дон не может себе позволить, — пробормотал я. Это была идея, в которую я верил всю свою жизнь. Идея, которой я жил. Идея, с которой, я думал, уйду из этого мира.

— Знаю, — прошептала она.

Неужели она не понимала, что я чувствую? Как она могла не видеть этого? Даже Маттео знал, хотя я всячески пытался скрыть свои чувства от него, ото всех.

Я взглянул на нее. Грудь сдавливалось от эмоций, которые, я боялся, разорвут изнутри. Это пугало меня.

Ничто еще не внушало мне настолько сильный страх. Я выжил после пыток и невыносимой боли, калечил других и причинял им адские муки, видел так много смертей, убивал... А теперь я боюсь собственных эмоций.

— *Но мне плевать, потому что любовь к тебе — единственная чистая вещь в моей жизни.*

Ария застыла, в ее глазах стояли слезы. Плач и мольбы никогда не смягчали мое сердце, но слезы Арии действовали на ту часть меня, о существовании которой я и не подозревал.

— *Ты любишь меня? — спросила она. Ее взгляд был полон надежды и неверия.*

— *Да, хотя и не должен. Если мои враги узнают, как много ты значишь для меня, они сделают все, чтобы причинить мне боль, контролировать меня через тебя. Братва попытается сделать это вновь, как и другие банды. Став членом мафии, я поклялся ставить Семью на первое место, и я повторил эту же клятву, когда стал Доном, хотя и знал, что лгу. Ты для меня важнее всего. Я сожгу этот мир ради тебя, если понадобится. Я буду убивать, пытать, шантажировать. Я сделаю ради тебя все что угодно. Может быть, любовь — это риск, но я готов принять его, как ты и сказала, это не вопрос выбора. Я никогда не думал, что все сложится так, никогда не думал, что смогу любить кого-то настолько сильно, но я влюблен в тебя. Я боролся с этим чувством. И это единственная битва, которую я не прочь проиграть.*

И черт, эти слова были правдой! Я всегда ставил Арию на первое место, защищал ее, позволял то, к чему моя семья относилась крайне неодобрительно. Я делал для нее все, а она предала меня. Предала мои любовь и доверие.

Любовь — слабость. Слабость, которую я больше себе не позволю.

Глава первая

До этого

Ария

Мое плечо все еще время от времени болело, когда я двигала рукой слишком резко, но Док, снявший вчера швы, сказал, что дискомфорт скоро исчезнет. Я коснулась красноватого шрама под ключицей. Он все еще был чувствительным. Мой первый шрам.

Лука подошел сзади — он возвышался надо мной больше чем на целую голову — и мягко положил ладони мне на плечи. Серые глаза с яростью уставились на след от ранения. Он, как и я, был полностью обнажен после душа, но его тело, в отличие от моей, покрывало бесчисленное количество шрамов. Я изучала его лицо, гадая, не беспокоит ли его то, что мое тело больше не было совершенным. Члены мафии считали свои шрамы доказательством мужества, и не было человека храбрее, чем Лука. Но я женщина, в нас ценится красота.

— Док сказал, что он поблекнет, — прошептала я.

Наши с Лукой взгляды встретились в зеркале, он нахмурил темные брови, развернул меня и приподнял мой подбородок.

— Ария, мне похер, поблекнет он или нет. Твой шрам беспокоит меня, потому что напоминает, что ты рискнула своей жизнью ради такого мудака, как я, а это определенно последняя вещь, которую ты когда-либо должна была делать.

— Я бы вновь сделала это, — прошептала я без колебания.

Лука схватил меня за талию и усадил на раковину.

— Нет! — прорычал он, придвигаясь поближе. Его глаза горели яростью, но за ней скрывалось что-то еще. — Нет, услышала меня? Это долбаный приказ.

— Ты не можешь отдавать мне подобные приказы, — мягко проговорила я.

Он тяжело вздохнул.

— Могу и делаю это. Как твой Дон и как твой муж. Ты не будешь рисковать своей жизнью из-за меня вновь, Ария. Поклянись.

Я смотрела на него. Похоже, он думал, что это легко. Лука привык контролировать всех вокруг, привык, что его люди подчиняются каждому его слову, но даже он должен был понимать, что некоторые вещи вне нашего контроля, даже его власть не безгранична.

— Ария, поклянись! — Тембр голоса стал ниже и жестче. Со мной говорил Дон, одно слово которого побуждало мужчин преданно следовать за ним, а врагов дрожать от страха.

Я обняла Луку за шею, поигрывая его темными прядями, и коснулась губами его губ.

— Нет.

Его взгляд потемнел.

— Нет?

— Нет. Что, никогда прежде не слышал этого слова? — поддразнила его я, повторяя то, что сказала ему в нашу первую брачную ночь.

— О, я часто его слышу! — Я заулыбалась, но его лицо оставалось мрачным. — Ария, я серьезно.

— Как и я, Лука. Я защищаю людей, которых люблю. Тебе придется принять это.

Он покачал головой:

— Не могу, ты поступаешь необдуманно, когда руководишься своими сердечными порывами.

Я пожалала плечами.

— Ну, я такая, какая есть.

Он прижался лбом к моему.

— Я не потеряю тебя.

— Не потеряешь, — прошептала я, проводя ладонью по татуировке на его груди.

Рожденный в крови. Поклявшийся на крови.

Может, я и не давала клятву крови, но меня связывало с Лукой нечто куда более сильное, чем слова. Меня связывала с ним любовь.

— Я всегда буду рядом с тобой.

Его взгляд смягчился.

— На следующей неделе мы отправимся в поездку в честь медового месяца.

Я удивилась и спросила, стгорая от предвкушения:

— Правда?

Мы были женаты два месяца и за это время ни разу не говорили о свадебном путешествии: вначале потому, что наш брак был заключен по расчету, а не по любви; потом — потому, что Лука был слишком занят.

— А как же Братва? Они не нападут вновь?

Две недели назад они совершили налет на поместье Витиелло. Погибли несколько человек Луки, и муж едва не потерял меня. На моих глазах погиб Умберто, охранник, которого я знала с детства. После с болью в сердце я написала письмо его вдове и детям.

— Они нападут вновь, но не так скоро. Им нужно восстановить силы после потери Виталия. Я не смогу

отсутствовать слишком долго, но неделю мои люди точно продержатся. Маттео уважают почти так же, как и меня. Какое-то время он сможет всем управлять.

Я не могла перестать улыбаться.

— Куда мы поедем?

Лука нагнулся, чтобы поцеловать меня, а потом выпрямился. Улыбаясь, он смотрел мне в глаза тем особенным взглядом, который предназначался только для меня, и мое сердце сжалось от любви.

— У отца была яхта в гавани Палермо, и отныне она моя. Мы можем провести неделю, исследуя Средиземное море.

Я вглядывалась в его лицо, пытаюсь понять, беспокоила ли его смерть отца, но хотя тот умер лишь пару недель назад, во взгляде у Луки не было ни капли сожаления. Сальваторе Витиелло был мужчиной, который внушал людям страх, а не восхищение или нежность. Я недостаточно хорошо его знала, чтобы печалиться из-за его смерти, и, судя по тому, что я слышала, наше знакомство ничего бы не изменило.

— Это было бы превосходно, — отозвалась я. Я никогда еще не была на Сицилии, и мне хотелось посмотреть, откуда родом семья Луки.

— Ты бывала в Италии прежде? — спросил он.

— Только раз, — ответила я с сожалением. — Отец возил нас в Болонью на похороны дяди. Там мы провели лишь день, а затем заехали в Турин и Милан. Это было потрясающе. Я всегда хотела вернуться, но отец был слишком занят, выполняя обязанности Консильери*, а одних он нас не отпускал.

* Руководящая должность в иерархии сицилийской, калабрианской и американской мафии. Консильери является третьим лицом в преступной иерархии, как правило, после дона и капобаSTONE. Вместе с ними он образует руководящий совет или «правление» (*прим. ред.*).

— Тогда решено. Эту неделю мы проведем только вдвоем.

— Не могу дождаться, — прошептала я, мои губы нашли губы Луки. Я еще крепче обняла его за шею, когда язык скользнул внутрь. Его руки прошлись по моим рукам вниз, по бедрам и по бокам. Я задрожала от нежности.

Из-за моего ранения Лука был осторожен, когда мы занимались любовью, и в этот раз его прикосновения были мучительно нежны, пока он раздвигал мои ноги и поглаживал меня отточенными движениями. Я смотрела ему в глаза, когда он входил в меня двумя пальцами. Затем его головка стала надавливать на мой вход. Я обхватила его ногами за талию и приняла в себя, все еще удивляясь ощущению наполненности. Наши языки скользили друг по другу, Лука медленно толкался в меня. Я чувствовала всю длину его члена, пока он входил в меня и выходил, и напряжение скручивало низ живота.

Лука оторвался от моего рта и прохрипел на ухо:

— Кончи для меня, любимая.

Я застонала, когда он чуть сменил угол толчков. Затем он вновь стал целовать меня, лаская языком. Взгляд его серых глаз неотрывно следил за мной. Я протянула руку, чтобы коснуться клитора и помочь себе достичь пика, но Лука осторожно оттолкнул ее.

— Попытайся кончить только с моим членом.

Я никогда не пробовала достичь оргазма без дополнительных прикосновений, но собиралась попытаться. Лука переплел наши пальцы и прижал их к мраморной поверхности. Он вновь толкнулся в меня под тем же углом, как и прежде, и я ахнула от наслаждения, которое разлилось по телу от той точки, которую он задел. Мои глаза расширились, пока я удерживала на себе его собственнический взгляд. Каждый

раз, когда мы занимались любовью, казалось, что он по новой клеймил меня. Лука был одним из самых больших собственников, что я знала, а ведь я выросла среди мафиози.

Он вновь толкнулся в то же местечко, и я застыла. Это было восхитительно, но я не знала, сколько еще времени мне понадобится, чтобы кончить без дополнительной стимуляции, но Лука никуда не спешил, попадая в то же место медленными, сильными толчками.

— Как ощущается? — вкрадчиво спросил он. Его грудь блестела от пота, пока он толкался в меня вновь и вновь. Моя попка скользила по мраморной поверхности, а его рука раз за разом возвращала меня на краешек для следующего толчка.

Я облизнула сухие губы.

— Хорошо, — ахнула я, когда вновь почувствовала удовольствие. Пальцы ног поджались, а стеночки стали сокращаться.

— Да, любимая! — прорычал Лука. — Кончи для меня.

Его язык погрузился в мой рот, и он снова задел сладкое местечко внутри меня, отчего я, зажмурившись, выгнулась. Я оторвалась от губ Луки, голова запрокинулась, когда я вскрикнула, ощущая разрядку. Лука напрягся, толкаясь в меня сильнее, чем прежде, а затем, издав гортанный стон, кончил. Мои стеночки задрожали, оргазм лишь усилился, пока его член пульсировал во мне.

Когда я вновь смогла говорить, прошептала:

— Это было невероятно.

Лука усмехнулся. Его глаза сияли властью и удовлетворением.

— Так и есть. Мне нравится, что ты можешь кончить только от моего члена.